

Фольклористика

УДК 398.2(=511.132)(045)

Л. С. Лобанова

КТО «УБИЛ» ОЛЕНЯ?: К ВОПРОСУ ОБ ОРИГИНАЛЬНОСТИ СЮЖЕТА ЛЕГЕНДЫ О ЯВЛЕНИИ ОЛЕНЯ В ПУБЛИКАЦИЯХ XIX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ КОМИ)

В статье исследуется сюжет легенды о явлении оленя со смертью животного в финале. Данный вариант сюжета легенды выявляется в публикациях XIX в. и относится к фольклорной традиции вишерских коми. Однако в фольклорно-этнографических материалах по данной локальной культуре фиксируется типичный для «севернорусской-финно-угорской традиции» (А. Б. Мороз) финал сюжета – опоздавший олень убегает. Цель статьи – выяснить источники легенды и историю появления сюжетного варианта со смертью оленя. Проанализирована народная и опубликованная версии легенды с использованием сравнительно-сопоставительного, типологического, текстологического, лингвосемантического методов. В результате исследования сделан вывод о том, что сюжет легенды о явлении оленя со смертью животного в финале является авторской интерпретацией А. Ф. Попова, возникшей в результате изменения модальности текста: невероятное событие осмыслено и передано как «происшествие». Это становится причиной трансформации содержания самого высказывания, за которым следует изменение связи содержания высказывания с действительностью. Результаты проведенного анализа могут быть применены для определения жанровых признаков легенды.

Ключевые слова: коми, фольклор, легенда, сюжет явления оленя, травелог, авторская интерпретация, модальность текста, Александр Федорович Попов.

DOI: 10.35634/2224-9443-2024-18-1-45-54

Тексты с сюжетом явления оленя, который в определенный день выходит из леса и отдается на заклание, в исследованиях чаще всего получают наименование «севернорусская легенда об олене». В материалах XIX–начала XX вв. данная легенда обычно приводится вместе с описанием обряда жертвоприношения домашнего животного в конкретной местности в качестве подтверждения древности проводимого ритуала [Кичин 1844; П. 1907; Пидьмозерский 1902; Афанасьев 1868, 255–256; Иванов 1881, 13; Малахов 1887; Архив РГО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 62]. В отечественных научных исследованиях указанные тексты до недавнего времени рассматривались как иллюстрация дохристианских верований славян или финно-угорских народов [Зеленин 1991, 384; Шаповалова 1973; Конкка 1988, Конаков 1990, 16]. Противоположная точка зрения была высказана А. Б. Морозом, который указал на распространение обряда жертвоприношения животного в иудаизме и выявил источники отдельных мотивов легенды в христианской книжности [Мороз 2013а]. Кроме того, он обозначил ареалы распространения легенды – Греция, Балканы, Кавказ и Север России, провел структурно-типологический анализ вариантов (всего 59 текстов), зафиксированных в разных местах, выявив для каждого региона типологические особенности, а также возможные источники и пути распространения легенды [Мороз 2013 б]. Так, для Балкан наиболее типичной является версия, где олень перестает приходить после того, как прибежавшего на жертву животное зарезали, не дав возможности напиться, поесть и отдохнуть [Там же, 213]. В то время как, «в севернорусской–финно-угорской традиции» зафиксированы два других варианта: в первом случае, явление животного прекращается после того, как забивают сразу двух оленей вместо одного; во втором – олень опаздывает, и вместо него приносят в жертву домашнее животное, а олень, видя, что заменен другим животным, убегает в лес и больше никогда не возвращается [Там же, 213]. И только в коми традиции, согласно исследованию, финал этого сюжета имеет иной вариант: прибежавший с опозданием олень падает и умирает [Там же, 216–217]. Цель данной статьи – выяснить оригинальность указанного сюжетного варианта.

История публикации легенды о явлении оленя к вишерской церкви

А. Б. Мороз выделил данный вариант сюжета для коми традиции на основе двух источников – сочинения К. А. Попова «Зыряне и зырянский край» [Попов 1874, 19] и сборника И. К. Степановско-

го «Вологодская старина» [Степановский 1890, 426–427]. Обе работы обобщающего характера и представляют собой систематизацию в основном опубликованных сведений по истории и культуре, в первом случае зырян, во втором – Вологодской губернии, в состав которой входили поселения зырян. Легенды о явлении оленя в данных изданиях приводятся из разных источников.

К. А. Попов, рассуждая о древней религии зырян, отмечает, что «некоторые обычаи нынешних зырян напоминают древния приношения в жертву жертвенных животных» [Попов 1874, 19], и в качестве доказательства этого тезиса в примечании приводит фрагмент из статьи А. Попова «Путевые заметки от Устьсысольска к Вишерскому селению» с легендой о явлении оленя к Вишерской церкви [Попов 1848а]. Текст передается с небольшими изменениями, что выражается пропуском отдельных слов и фраз, подчеркивающих в событии божественное начало.

В сборнике И. К. Степановского легенда об олене представлена в разделе «Предание об основании Вишерской церкви и о священном олене» Третьего отдела [Степановский 1890, 426–427], в котором описывается история поселений и связанные с ними памятники и предания. Указанный фрагмент работы является точной копией отрывка сочинения М. И. Михайлова «Устьвым» [Михайлов 1850 №11, 106–107; 1851, 78–81].

Кроме того, легенда об олене из указанных источников публиковалась в сочинении А. В. Красова [Красов 1897, 187–188], исследованиях А. С. Сидорова [Сидоров 1924, 47] и Н. Д. Конакова [Конаков 1993, 101]; переиздавалась в различных сборниках текстов [Зыряне 2010, 158–174; Му пуксьом 2005, 187–188]. Для исследователей было важно наличие данного сюжета в коми традиции, и каждый из них предлагал свою интерпретацию, на особенность сюжета не обращали внимания. Между тем, в полевых записях В. Н. Белицер 1940-х гг. [Белицер 1958, 326], Ю. Г. Рочева 1978 г. [НА КНЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 233а. Л. 229], А. В. Панюкова и Г. С. Савельевой конца 1990-х гг.¹ и в материалах фольклорно-этнографических экспедиций 2012–2018² гг. фиксируется типичный финал сюжета – опоздавший олень убегает. В этом случае возникает вопрос об аутентичности опубликованного варианта легенды. Проанализируем работы А. Попова и М. Михайлова, выясним источники легенды и историю появления сюжетного варианта со смертью оленя.

Легенда о явлении оленя к вишерской церкви в сочинении А. Попова

Впервые легенда об олене была опубликована в 1848 г. в произведении А. Попова «Путевые заметки от Устьсысольска к Вишерскому селению» [Попов 1848а]. Ранее считалось, что автором работы является учитель Усть-Сысольского и Вологодского духовных училищ Андрей Ефимович Попов (1819–1864) [Лимерова 2021, 310], уроженец с. Богородск, сын местного священнослужителя [Зыряне 2010, 514], языковед и переводчик [Костромина 1998, 364]. Однако, отложившаяся в Архиве РГО рукопись «Путевые заметки о зырянах»³, содержит роспись «Штатный смотритель Александр Попов. 2-ое июня 1847 г.⁴» [Архив РГО. Р. 53. Оп. 1. № 9. Л. 73] и приписку на титульном листе «Путевые заметки Г[ражданина] Попова⁵, смотрителя Устьсысольского училища. Прислано директором училища Вологод[ской] губ[ернии] Р[усскому] Г[еографическому] Обществу 5 июля 1847 г.» [Там же, Л. 1]. Усть-Сысольское уездное училище было открыто в 1840 г., А. Ф. Попов был первым штатным смотрителем и проработал в этой должности до 1847 г. [Ползунов 1912, 106; ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 1669]. В этом же учебном заведении с 1841 до 1853 г. преподавал русский язык М. И. Михайлов [Ползунов 1912, 106] – автор сочинения «Устьвым» [Михайлов 1850; 1851], в котором также публиковалась легенда об олене. Таким образом, мы установили связь между А. Ф. Поповым и

¹ Аудио и видеоматериалы хранятся в Фольклорном фонде ИЯЛИ, например, [ФФ ИЯЛИ. В1116-36].

² Описания материалов хранятся в Научном архиве [НА КомиНЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 818; 833; 857; 875; 895; 907], аудио и видеозаписи в Фольклорном фонде ИЯЛИ. Часть материалов отражена в публикациях [Лобанова, Рассыхаев 2013, 48], [Рассыхаев 2021].

³ При сопоставлении рукописи и публикации выявляются незначительные расхождения. Основное отличие заключается в том, что редакцией газеты «Вологодских губернских ведомостей» результаты беседы автора-путешественника со священником Корткеросского прихода о происхождении зырян были выделены в отдельную статью [Попов 1848б].

⁴ Получается, что рукопись была отправлена А. Ф. Поповым незадолго до увольнения из Усть-Сысольского уездного училища.

⁵ Возможно, данное сокращение стало причиной ошибки в обзорной статье «История собирания и изучения коми фольклора», где отмечено, что легенду об олене записал священник Г. Попов в 1847 г. во время путешествия по Вычегде до Троицко-Печорска [ИКЛ 1979, 21].

М. И. Михайловым, что в последующем поможет разобраться в вопросе выявления источников фольклорно-этнографических материалов, опубликованных этими авторами⁶.

Произведение А. Ф. Попова построено в форме травелога. Данная жанровая разновидность литературы в то время была востребована региональными писателями, как «синкретическая, многофункциональная документально-художественная модель, которая предьявляла читателю Зырянский край и зырян в непосредственном наблюдении и в то же время в уже оцененном виде» [Лимерова 2021, 307]. В сочинении описывается пешее паломническое путешествие автора-рассказчика и его «добраго товарища»⁷ в селение Вишера (современное – с. Богородск), «ознаменованное таинственным преданием о явлении и чудодейственной силе образа Божьей Матери».

Авторский взгляд носит исследовательский характер: он не просто описывает путешествие, а ищет в окружающем пространстве способы и формы выражения нравственных и бытовых особенностей зырян, причины их формирования. В тексте это проявляется включением разнообразных по стилю и содержанию фрагментов: описания природного ландшафта и придорожных событий, этнографические зарисовки крестьянской избы и зырянских поселений, размышления над значением топонимов и особенностями зырянского языка, бытовые наблюдения и словесные портреты крестьян, народные предания и обычаи зырян. «Опытность и личные убеждения» автора раскрывают читателю реальный, а не воображаемый образ зырян [Лимерова 2021, 312–314].

По прибытии в Вишерское селение автор-путешественник останавливается в доме священника и пытается найти «письменные памятники» об истории явления образа Вишерской Божьей Матери, но, к его сожалению, не находит ничего, «кроме устного свидетельства, которое переходит в народе из рода в род». И приводит «предание» о чудесном явлении иконы в дырявой лодке, приплывшей против течения в сопровождении седого старца – Св. Стефана Великопермского. Автор, отметив, что «чудес, изливающихся от святых, рассказывают множество, но без свидетельства об их достоверности», переходит к описанию «чрезвычайного и непонятного происшествия», которое придает «таинственность» вишерскому обряду жертвоприношения в отличие от распространенного «в разных местах у зырян» «обычай приносить в жертву из домашних чистых животных».

С того времени, как на Вишере явилась икона Божией Матери, обычай жертвоприношения начал соблюдаться с особенною таинственностью. В каждый раз, когда нужно было совершать обряд жертвоприношения, в честь явившейся Божией Матери, утром рано прибегал к церкви олень, самый красивый и тучный, кои в здешних лесах во множестве водятся. Жители замечали, что он всегда казался утомленным и усталым, и поэтому с вероятностию заключали, что пространство его бега было далекое и трудное и что он не мог быть кем-нибудь приучен к явлению в известный день, в известное место; но не иначе, как побуждаемый в каждый раз по назначению свыше, прибегал из отдаленных, дремучих лесов на жертву. Случалось, что иногда животное опаздывало, но жители всегда были уверены в непрременном исполнении непостижимой воли, и вера в таком случае всегда оправдывалась. По этому, если животное сверх ожидания долее обыкновенного не являлось на жертвоприношение, то и Богослужение не начиналось до его прихода. Но в последствии, в каждый год начали замечать несвоевременное явление таинственного оленя и его чрезвычайную усталость и худощавость. Не зная причины неблагоприятных признаков в животном, все это стали относить к ослаблению веры и усердия к Царице Небесной и к умножению грехов в народе. Чувствуя таким образом явное неблаговоление святых, немедленно обращались к раскаянию и молитвам, сопровождаемым горячею верою, и таинственное животное в назначенный день немедленно прибегало. Наконец в один год необыкновенно долго ждали прихода его, и когда, потеряв уже всякую надежду, решились в исполнение обычая принести в жертву из домашних животных, вдруг после богослужения прибегает жертвенное животное и, видя, что оно заменено другим, падает тут же мертвым. С тех пор таинственный олень более не являлся. [Архив РГО. Р. 53. Оп. 1. № 9. Л. 69об–72].

В рассматриваемом сочинении легенда о явлении оленя и этнографические сведения о жертвоприношении органично встраиваются в художественное произведение. Автор выступает в роли посредника между зырянским народом и читателем, однако, он не «передает слово» носителю традиции, как это было в случае с текстом о явлении иконы, а сам пересказывает услышанное: «Всеобщая молва туземцев и других уверяет о чрезвычайных и непонятных происшествиях. Я расскажу одно из

⁶ Подробнее об этом см. в ст. [Лобанова 2023].

⁷ В данном разделе цитируются слова и выражения из произведения А. Попова «Путевые заметки от Устьсысольска к Вишерскому селению» [Попов 1848а].

них». Подобной ремаркой рассказчик, с одной стороны, заявляет о принадлежности текста к описываемой устной традиции, с другой – допускает внесение изменений в фольклорный текст.

По внешним данным приведенный текст отличается в ряду других легенд о явлении оленя по следующим параметрам. Во-первых, этнографическим контекстом: обычно описание явления оленя относится к первоначальному варианту обряда жертвоприношения животного; а в сочинении А. Ф. Попова приводится как «происшествие», последовавшее после явления чудотворной иконы. Во-вторых, развязкой сюжета: опоздавший олень, видя, что заменен другим животным, падает и умирает; в других версиях – убегает. В-третьих, расширением сюжета за счет дополнительных событий: остаток оленьего рога – чудесное средство для ижемских оленеводов, обход пастбищ с иконой Божьей Матери – способ охраны домашних животных; тогда как в народных версиях обычно описывается современное проведение обряда, чудесные исцеления или наказания за нарушение обета.

При входе в церковь показывают обломок оленьего рога, весьма похожего на кисть человеческой руки с пальцами; его почитают свидетельством предания о давно минувшем, чудесном происшествии. Живая вера в этом остатке находит предмет священный, почитая целебным от болезней. Ижемцы, в проезд караванами по здешнему селению с ярмарки Нёбдинской, всегда стараются приобрести хотя маленький кусочик священного рога, который у них почитается талисманом для умножения оленьих стад.

Богоявление Божией Матери и ныне продолжается, особенно для местных жителей. Уверяют, что после того, как в сопровождении всего народа и церковной процессии обнесут икону по окрестностям селения, там, где в летнее время обыкновенно пасется домашний скот, никакой хищный зверь, которому в здешних глубоких лесах – приволье, не прикасается к ним. Нередко видали со стадами коров смиренхонько прогуливающихся медведей. Если это правда, то чему приписать неестественное сближение животных разных свойств, враждебных друг другу как не покровительству свыше. [Архив РГО. Р. 53. Оп. 1. № 9. Л. 72–73]

Трансформация текста, на наш взгляд, обусловлена изменением модальности фольклорного произведения. Категория модальности подробно изучается в лингвистике⁸ и трактуется как «функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды квалификации сообщаемого» [ЛЭС 1990, 303], в зависимости от которых модальность может быть объективной или субъективной. В фольклористике отношение текста к действительности разрабатывалось в рамках определения категорий классификации жанров [Азбелев 1965; Емельянов 1960; Чистов 1967; Путилов 2003, 169–170]. Как показала А. П. Липатова, анализ модальности текста может быть положен в основу разграничения повествовательных жанров [Липатова 2020]. Оценка содержания говорящим с точки зрения ирреальность / реальность разделяет устную прозу на сказочную и несказочную, усиливая вторую область модальным значением достоверность. Установка на достоверность является характерной чертой всей несказочной прозы. Для разделения внутри системы предлагается «определять семантическую структуру поля достоверности» шкалой вероятность и истинность, где предание, в основе которого факт (действительное явление), оценивается как истина, а легенда рассказывает о чуде (невероятное событие), и воспринимается как «правдивый рассказ о неправдоподобном, невероятном, сверхъестественном» [Там же, 35–41, 57]. Кроме того, от модального значения текста зависит функция фольклорного жанра. Когда концепт чуда меняется на историю, событие становится фактом, легенда теряет свою способность «конструировать реальность», она становится просто историей, и реализуется в тесте предания [Там же, 59]. Таким образом, модальность произведения признается жанроопределяющей и формирующей категорией.

Проанализируем народный и авторский варианты легенды с точки зрения модальности. В народной традиции легенда обычно рассказывается в контексте проведения или описания обряда жертвоприношения домашнего животного, где текст о явлении оленя не только указывает на причину возникновения обряда жертвоприношения домашнего животного, но и дополняет реальность, формирует её, и в этом выражается основная функция легенды – «конструирование реальности» [Там же, 58]. В этом случае сообщение о явлении оленя – это чудо, невероятное событие богоявления, продолжающееся в обряде жертвоприношения домашнего животного.

⁸ Обзор теоретических подходов к изучению модальности в лингвистике в статье Л. В. Васильевой [Васильева 2009], отдельные аспекты модальности исследованы в ст. [Аухадиева, Булычева 2022].

Рассказ о чуде в принципе не допускает смерти субъекта действия в финале. Подобная развязка становится возможной после того, как чудесное событие – явление оленя – разделили на части: «побуждаемый в каждый раз по назначению свыше, прибежал из отдаленных дремучих лесов на жертву». В данном выражении чудесным (необъяснимым с точки зрения законов нашей реальности) остается только приход оленя в назначенный день к определенному месту, а само животное вполне реальное существо, одна из особей, которые «в здешних лесах во множестве водятся»⁹ – указывается факт, чем допускается реалистичность события. И, как мы предполагаем, это становится толчком к изменению содержания текста и развитию сюжета по типу рассказа о реалистичном событии.

В классическом варианте легенды несвоевременное явление оленя объясняется послаблением веры и прибавлением греховности, что вполне укладывается в рамки христианского вероучения. В авторской концепции данное положение накладывается на реальное обстоятельство – дальность расстояния. В инициальной части животное является «в назначенный день в известное место» и характеризуется как «самый красивый и тучный». С увеличением времени («несвоевременное явление») увеличивается расстояние («пространство его бега было далекое и трудное»), что негативно влияет на субъект действия («казался утомленным и усталым», «замечали чрезвычайную усталость и худощавость»), и, в конечном счете, приводит к смерти оленя.

К дополнительным факторам относятся: ситуация рассказывания, когда легенда о явлении оленя была поведена автору-путешественнику в контексте чудесности иконы (сюжеты явления иконы и явления оленя дополняли друг друга); и позиция автора, который пытается найти доказательства чудесности иконы. В результате этих обстоятельств легенда о явлении оленя в произведении А. Ф. Попова трансформируется в рассказ о «чрезвычайном происшествии», является следствием чудесности иконы и служит доказательством как факта явления иконы Божьей матери, так «чудодейственной силы Божьей Матери».

Легенда о явлении оленя к вишерской церкви в сочинении М. И. Михайлова

В историческом сочинении коллеги А. Ф. Попова по Усть-Сысольскому уездному училищу – краеведа и литератора Михаила Ивановича Михайлова (1821–1853) «Устьвым» [Михайлов 1850; 1851] – тексты о явлении иконы и оленя составляют описание Вишерской церкви.

К 8 Сентября, ко дню, как полагают явления иконы на Вишеру, ежегодно прибежал до начала обедни красивый олень, котораго Зыряне с священным обрядом приносили в жертву Богородице. Мясо оленя делили на равныя части, уносили в дома и хранили, как святыню, на случай болезней и промыслов. Лет 150 тому назад олень что-то долго не явился к урочному часу. Духовенство ждало его и не начинало обедни, крестьяне молили Пресвятую Богородицу ускорить явление жертвеннаго зверя. Наступил полдень; пришла пора вечерняя, – оленя не было: уже отчаевались видеть, думали, что прогнавши греховную жизнь Небесную Царицу, – и приступили к Богослужению... в середине церковной службы прибегает олень, весь мокрый и покрытый пеною, как бы от продолжительнаго бега и, видя, что обедня начата, ударился в паперти о помост, убился, – и с тех пор явление оленя прекратилось. В Вишерской церкви хранится верхняя часть рога одного жертвеннаго зверя, с пятью, на подобие пальцев, отраслями, близко похожая на кисть согнутой руки. Набожные Ижемцы, владельцы многочисленных стад оленей, их главнаго богатства, часто приезжая на поклонение Вишерской Богородице, старались увозить с собою кусочки этого рога, толкли их в порошок, который служил спасительным лекарством от всех скотских болезней и вместе предохранял домашних животных от нападения хищных зверей. В самой Вишере не помнят, чтобы когда-либо эти звери вредили домашнему скоту, между тем как здешняя местность, дикая и лесистая, есть привольное для них виталище. [Михайлов 1850, № 11, 106–107]

При сопоставлении фрагментов сочинений М. И. Михайлова и А. Ф. Попова наблюдается единообразие в последовательности повествовательных частей (явление иконы; явление оленя; чудесные свойства остатка оленьего рога; дикие звери не нападают на скот), тогда как в их содержании выявляются различия. В тексте М. И. Михайлова явление оленя приурочивается к 8 сентября – к праздни-

⁹ Если в современности олени в данной местности не встречаются, то на период написания сочинения появление их было вполне естественно. В тексте указывается, что на оленей местные жители охотятся (весной поймали до 18 оленей), олени шкуры используются в быту, а зимой богородский священник ездит на оленях. По историческим данным часть церковной казны состояла из стада оленей, которых пасли ижемские оленеводы.

ку Рождества Пресвятой Богородицы, и жертвоприношение проводится в честь явления иконы Божьей матери. Указанный праздник в Вишерской церкви является престольным, и именно в этот день проводилось жертвоприношение домашних животных. Сообщаются сведения о проведении обряда принесения в жертву животного («мясо оленя делили на равные части, уносили в дома и хранили, как святыню, на случай болезней и промыслов») и последнем явлении оленя, который «ударился в паперти о помост, убился». Кроме того, в тексте М. И. Михайлова не выявляются причинно-следственные отношения явления оленя и иконы, но, как и в тексте А. Ф. Попова, явление оленя не имеет связь с жертвоприношением домашнего животного.

На основании этого мы можем предположить, что у М. И. Михайлова были дополнительные источники. Возможно, они, являясь коллегами по Усть-Сысольскому уездному училищу, вместе с А. Ф. Поповым совершили путешествие на Вишеру. Однако, в произведении описано путешествие автора-рассказчика вместе с «добрым товарищем», который, судя по содержанию текста, не знает коми язык и культуру, чего нельзя сказать о М. И. Михайлове; в то же время, подобный образ попутчика может быть художественным решением, продиктованным жанром травелога [Лимерова 2021, 310–312]. Сведений о том, что М. И. Михайлов побывал в с. Богородске не сохранилось, поэтому мы склоняемся к другой версии, что М. И. Михайлов мог воспользоваться черновыми записями А. Ф. Попова, и это ещё раз подтверждает нашу гипотезу об авторской интерпретации сюжета легенды о явлении оленя.

Заключение

В результате исследования мы пришли к выводу, что сюжет легенды о явлении оленя со смертью животного в финале является авторской интерпретацией А. Ф. Попова, возникшей в результате изменения модальности текста: невероятное событие осмыслено и передано как «происшествие». Это становится причиной трансформации содержания самого высказывания, за которым следует изменение связи содержания высказывания с действительностью (явление оленя из причины последующего жертвоприношения становится следствием чудесности иконы) и функции текста (из конструирования реальности переходит в подтверждение реальности). В последующем результаты проведенного анализа могут быть применены для определения жанровых признаков легенды.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Архив РГО. Р. 53. Оп. 1. № 9. Попов А. Путевые заметки о зырянах. 1847. 74 л.

Архив РГО. Р. 7. Оп. 1. №. 62. Протоирей Александр Шайтанов. Верховажский посад 1848–1849. Л. 20.

Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. В 3-х томах. Т. 2. М., 1868. С. 255–256.

ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 1669. Дело по прошению бывшего штатного смотрителя устьсысольских училищ Попова Александра Фёдоровича о выдаче ему аттестата о службе. 19.01.1847–19.03.1849. 7 л.

Иванов А. П. Материалы к антропологии Пермского края // Труды Казанского Общества Естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. Т. 10. Вып. 1. Казань, 1881. 52 с.

Кичин Е. Четыре сельских обряда Белозерского уезда Команевской волости // Вологодские губернские ведомости. Неофициальная часть. 1844. № 19. С. 179–181.

Красов А. В. Зыряне и св. Стефан, епископ пермский. СПб, 1897. 222 с.

Малахов М. В. Быкобой у пермяков в день Св. Флора и Лавра: Посмертные записки М.В. Малахова // Записки Уральского общества любителей естествознания. 1887. Т. 9. Вып. 1. С. 85–96.

Михайлов М. [И]. Описание Устьвыма, составленное учителем Усть-Сысольского уездного училища М. Михайловым. Вологда, 1851.

Михайлов М. [И]. Устьвым // Вологодские губернские ведомости. 1850. № 1–17, 19–22, 25, 27–28, 32, 34–35, 38–42, 44–46, 49–50, 52.

НА КомиНЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 233а. Рочев Ю. Г. Материалы фольклорно-диалектологической экспедиции в Корткеросский район в 1978 г.

НА КомиНЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 818. Лобанова Л. С., Рассыхаев А. Н. О полевых исследованиях фольклорной экспедиции в сельском поселении «Богородск» Корткеросского района Республики Коми в 2012 г.

НА КомиНЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 833. Лобанова Л. С., Рассыхаев А. Н. Отчет о полевых фольклорных исследованиях в сельском поселении «Нившера» Корткеросского района Республики Коми в 2013 г.

НА КомиНЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 857. Лобанова Л. С., Рассыхаев А. Н. Отчет о полевых фольклорных исследованиях в сельском поселении «Нившера» Корткеросского района Республики Коми в 2014 г.

НА КомиНЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 875. Лобанова Л. С., Рассыхаев А. Н. Отчет о полевых фольклорных исследованиях в сельском поселении «Большелуг» и «Богородск» Корткеросского района Республики Коми в 2015 г.

НА КомиНЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 895. Лобанова Л. С., Рассыхаев А. Н. Отчет о полевых фольклорных исследованиях в Корткеросском районе Республики Коми в 2017 г.

НА КомиНЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 907. Лобанова Л. С., Рассыхаев А. Н., Панюков А. В., Савельева Г. С. Отчет о полевых фольклорных исследованиях в Корткеросском районе Республики Коми в 2018 г.

П. Мошинский приход Каргопольского уезда // Олонецкие епархиальные ведомости 1907. № 3. С. 75–79.

Пидьмозерский В. Село Таржеполь (Петрозаводского уезда) // Олонецкие епархиальные ведомости. 1902. № 17. С. 580–583.

Ползунов П. П. История Устьсысольского городского училища. Усть-Сысольск: Тип. З. Д. Следников и К, 1912.

Попов А. [Ф.] (а) Путевые заметки от Устьсысольска к Вишерскому селению // Вологодские губернские ведомости. 1848. № 10. С. 105–110; № 11. С. 119–123; № 12. С. 129–137.

Попов А. [Ф.] (б) Мнение о происхождении Зырян и очерк некоторых свойств их // Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1848. № 23. С. 53–57.

Попов К. А. Зыряне и зырянский край // Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 13. Вып. 2. / под ред. Н. А. Попова. М.: Тип. С. П. Архипова, 1874. 92 с. (Труды этнографического отдела. Кн. 3. Вып. 2).

Сидоров А. С. Следы тотемистических представлений в мировоззрении зырян // Коми му. 1924. № 1–2. С. 43–50.

Степановский И. К. Вологодская старина. Историко-археологический сборник. Вологда: Типография Вологодского Губернского Правления, 1890.

ФФ ИЯЛИ. В1116-36. Зап. А. В. Панюков и Г. С. Савельева в 2000 г. в с. Нившера Корткеросского р-на от Габовой Анастасии Степановны, 1925 г.р., ур. д. Тист.

ЛИТЕРАТУРА

Азбелев С. Н. Отношение предания, легенды и сказки к действительности (с точки зрения разграничения жанров) // Славянский фольклор и историческая действительность / отв. ред. А. М. Астахова, Б. Н. Путилов, В. К. Соколова. М.: Наука, 1965. С. 5–25.

Аухадиева Ф. С., Булычева Е. А. Репрезентация модальности фиктивного действия в разноструктурных языках // Ежегодник финно-угорских исследований. 2022. Т. 16. Вып. 2. С. 238–247.

Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми XIX–начало XX в. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 391 с.

Васильева Л. В. Теоретические подходы в изучении модальности // Вестник АмГУ. 2009. Вып. 44. С. 113–116.

Емельянов Л. И. Проблема художественности устного рассказа // Русский фольклор: материалы и исследования. Т. 5 / отв. ред. В. Е. Гусев. М.–Л.: Наука, 1960. С. 247–264.

Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография / пер. с нем. К. Д. Цивинной; примеч. Т. А. Бернштам, Т. В. Станюкович, К. В. Чистова; послесл. К. В. Чистова. М.: Наука, 1991. 511 с.

Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX века / сост. В. А. Лимерова. Сыктывкар: Изд-во «Кола», 2010. 520 с.

ИКЛ 1979 – Микушев А. К., Рочев Ю. Г., Чисталев П. И. История собирания и изучения коми фольклора // История коми литературы. В 3 томах. Т. 1. Фольклор / отв. ред. А. К. Микушев. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979. С. 11–24.

Конаков Н. Д. От Святок до Сочельника: Коми традиционные календарные обряды Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. 128 с.

Конаков Н. Д. Календарная символика уральского язычества (бинарный зооморфный код). Сыктывкар: КомиНЦ УрО РАН, 1990. 48 с.

Конкка А. П. Жертвоприношения животных на летних календарных праздниках карел (материалы к описанию обряда) // Обряды и верования народов Карелии / науч. ред. А. П. Конкка, Э. С. Киуру. Петрозаводск: КФАН СССР, 1988. С. 77–95.

Костромина И. Н. Попов Андрей Ефимович // Коми язык. Энциклопедия / отв. ред. Г. В. Федюнева. М.: Изд-во ДиК, 1998. С. 364–365.

Лимерова В. А. На пути к национальной прозе. Жанровые модели документально-художественной словесности Коми края в XIX веке // История литературы Урала. XIX век: в 2 кн. / Под ред. Е. К. Созиной. Кн. 1. М.: Изд. дом ЯСК, 2021. С. 302–342.

Липатова А. П. Вариативность легенды. М.: РГГУ, 2019. 215 с.

Лобанова Л. С. Александр Федорович Попов – новое имя в зырянском дискурсе // Пермистика–19: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сборник научных статей / отв. ред. С. А. Сажина. Сыктывкар: Коми респ. типография, 2023. С. 355–363.

Лобанова Л. С., Рассыхаев А. Н. Народный календарь с. Богородск Республики Коми // Живая старина. 2013. № 3. С. 45–48.

ЛЭС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.

Мороз А. Б. (а) «Севернорусская легенда об олене» и её византийские источники // Святые и святыни Обонежья : материалы Всероссийской научной конференции «Волдозерские чтения – 2013» / отв. ред. А. В. Пигин. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. С. 231–238.

Мороз А. Б. (б) Легенда о жертвенном олене: география, варианты, источники, параллели // Ethnolinguistica Slavica. К 90-летию академика Никиты Ильича Тостого / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2013. С. 212–233.

Му пуксьом – Сотворение мира / автор-сост. П. Ф. Лимеров. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2005. 624 с.

Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура; In memoiam. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 464 с.

Рассыхаев А. Н. Почитание Стефана Пермского в фольклорной традиции нившерских коми // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15. Вып. 2. С. 272–283.

Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. / отв. ред. В. К. Соколова. М: Наука, 1967. 342 с.

Шановалова Г. Г. Севернорусская легенда об олене // Фольклор и этнография Русского Севера / отв. ред. Б. Н. Путилов, К. В. Чистов. Л.: Наука, 1973. С. 209–223.

Статья подготовлена в рамках плановой темы сектора фольклора «Поэтика фольклора народов Европейского Севера России в синхронии и диахронии» (рег. № 121051400044-2).

Поступила в редакцию 28.02.2023

Лобанова Людмила Сергеевна

кандидат филологических наук, научный сотрудник
Институт языка, литературы и истории ФИЦ «Коми НЦ УрО РАН»
167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26
E-mail: sergejluda@mail.ru

L. S. Lobanova

WHO "KILLED" THE DEER?: TO THE QUESTION OF ORIGINALITY OF THE PLOT OF THE LEGEND ABOUT APPEARING OF A DEER IN PUBLICATIONS OF THE XIX CENTURY (BASED ON KOMI MATERIALS)

DOI: 10.35634/2224-9443-2024-18-1-45-54

The article explores the plot of the legend about appearing of a deer with the death of an animal's in the finale. This version of the plot of the legend is revealed in publications of the XIX century and refers to the folklore tradition of the Vishera. However, in folklore and ethnographic materials based on this local culture, the plot finale typical of the "Northern Russian-Finno-Ugric tradition" (A. B. Moroz) is recorded - a late deer escapes. The purpose of the article is to find out the sources of the legend and the history of the appearance of the plot version with the death of a deer. We analyzed folk and published versions of the legend using comparative-contrastive, typological, textual, linguosemantic methods. As a result of the study, we came to the conclusion that the plot of the legend about the appearance of a deer with the death of the animal in the finale is the author's interpretation of A.F. Popov, which arose as a result of a change in the modality of the text: an incredible event is comprehended and transmitted as an "incident." This causes the transformation of the content of the utterance itself, followed by a change in the connection of the content of the utterance with reality (the phenomenon of the deer from the cause of the subsequent sacrifice becomes the result of the wonder of

the icon) and the function of the text (from the construction of reality passes into confirmation of reality). Subsequently, the results of the analysis can be used to determine the genre characteristics of the legend.

Keywords: Komi, folklore, legend, plot of deer appearance, travelogue, author's interpretation, modality of the text, Alexander Fedorovich Popov.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2024, vol. 18, issue 1, pp. 45–54. In Russian.

REFERENCES

Aukhadieva F. S., Bulycheva E. A. Reprezentatsiya modal'nosti fiktivnogo deistviya v raznostrukturykh yazykakh [Representation of simulative action modality in languages with different structures]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2022, vol.16, issue 2, pp. 238–247. In Russian.

Azbelev S. N. Otnoshenie predaniya, legendy i skazki k deistvitel'nosti (s tochki zreniya razgranicheniya zhanrov) [Relation of legends, stories and fairy tales to reality (in terms of delineation of genres)]. *Slavyanskii fol'klor i istoricheskaya deistvitel'nost'* [Slavic folklore and historical reality]. Ed. by A. M. Astakhova, B. N. Putilov, V. K. Sokolova. Moscow, Nauka Publ., 1965, pp. 5–25. In Russian.

Belitsker V. N. *Ocherki po etnografii narodov komi: XIX – nachalo XX v.* [Essays on ethnography of the Komi peoples: XIX – early XX century]. Moscow, Nauka Publ., 1958. 394 p. In Russian.

Chistov K. V. *Russkiye narodnyye sotsial'no-utopicheskiye legendy XVII–XIX vv.* [Russian folk social and utopian legends of the XVII-XIX centuries]. Ed. by V. K. Sokolova. Moscow, Nauka Publ., 1967. 342 p. In Russian.

Emel'yanov L. I. Problema khudozhestvennosti ustnogo rasskaza [The problem of the artistry of oral history]. *Russkii fol'klor: materialy i issledovaniya* [Russian folklore: materials and research]. Vol. 5. Ed. by V. E. Gusev. Moscow - Leningrad, Nauka Publ., 1960, pp. 247–264. In Russian.

Konakov N. D. *Kalendarnaya simbolika ural'skogo yazychestva (binarnyy zoomorfnyy kod)* [Calendar symbolism of Ural paganism (binary zoomorphic code)]. Seriya preprintov «Nauchnyye doklady» [Series of preprints "Scientific Reports"], No. 243. Syktyvkar, Komi Nauchnyy tsentr Publ., 1990. 48 p. In Russian.

Konakov N. D. *Ot svyatok do sochel'nika: komi traditsionnye kalendarnye obryady* [From Yuletide to Christmas eve: Komi traditional calendar rites]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izd-vo Publ., 1993. 128 p. In Russian.

Konkka, A. P. Zhertvoprinosheniya zhivotnykh na letnikh kalendarnykh prazdnikakh karel (materialy k opisaniyu obryada) [Animal sacrifices at Karelian summer calendar holidays (rite description materials)]. *Obryady i verovaniya narodov Karelii* [Rites and beliefs of the Karelia peoples]. Petrozavodsk, Karelian branch of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1988, pp. 77–95. In Russian.

Kostromina I. N. Popov Andrey Yefimovich [Popov Andrey Efimovich]. *Komi yazyk. Entsiklopediya* [Komi language. Encyclopedia]. Ed. by G. V. Fedyuneva. Moscow, Izdatel'stvo DiK Publ., 1998, pp. 364–365. In Russian.

Limerova V. A. Na puti k natsional'noi proze. Zhanrovye modeli dokumental'no-khudozhestvennoi slovesnosti Komi kraya v XIX veke [On the way to national prose. Genre models of documentary – artistic literature of the Komi Region in the XIX century]. *Istoriya literatury Urala. XIX vek: v 2 kn.* [History of literature of the Urals. XIX century: in 2 books]. Ed. by prof. E. K. Sozina. Book 1. Moscow, YASK Publishing House, 2021, pp. 302–342. In Russian.

Lingvisticheskii entsyklopedicheskii slovar [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Ed. by V. N. Yartseva. Moscow, Sovetskaya Encyklopediya Publ., 1990. 685 p. In Russian.

Lipatova A. P. *Variativnost' legendy* [Variation of the legend]. Moscow, Russian State Humanitarian University Publ., 2019. 215 p. In Russian.

Lobanova L. S. Aleksandr Fedorovich Popov – novoe imya v zhyranskom diskurse [Alexander Fedorovich Popov – a new name in the Zyryan discourse]. *Permistika-19: Dialekty i istoriya permskikh yazykov vo vzaimodejstvii s drugimi yazykami: sbornik nauchnykh statej* [Permistics-19: Dialects and history of Perm languages in interaction with other languages: a collection of scientific articles]. Ed. by S. A. Sazhina. Syktyvkar, Komi respublikanskaya tipografiya Publ., 2023, pp. 355–363. In Russian.

Lobanova L. S., Rassykhayev A. N. Narodnyy kalendar' s. Bogorodsk Respubliki Komi [Traditional calendar of the village of Bogorodsk of the Komi Republic]. *Zhivaya starina* [Living antiquity], 2013, no. 3, pp. 45–48. In Russian.

Mikushev A. K., Rochev Yu. G., Chistalev P. I. Istoriya sobiraniya i izucheniya komi fol'klora [History of collecting and studying Komi folklore]. *Istoriya komi literatury v 3 t. T. 1. Fol'klor* [History of Komi literature. In 3 vol. Vol. 1. Folklore]. Ed. by A. K. Mikushev. Syktyvkar, Komi knizhnoye izd-vo Publ., 1979, pp. 11–24. In Russian.

Moroz A. B. «Severnorusskaya legenda ob olene» i yeyë vizantiyskiye istochniki ["The North Russian Legend of the Deer" and its Byzantine sources]. *Svyatyye i svyatyni Obonezh'ya: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii «Voldozerskiye chteniya – 2013»* [Saints and Shrines of Obonezh'ye: materials of the All-Russian Scientific Conference "Voldozersky Readings - 2013"]. Ed. by A. V. Pigin. Petrozavodsk, Petrozavodskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2013 (a), pp. 231–238. In Russian.

Moroz A. B. Legenda o zhertvennom olene: geografiya, varianty, istochniki, paralleli [The Legend of the Sacrificial Deer: Geography, Options, Sources, Parallels]. *Ethnolinguistica Slavica. K 90-letiyu akademika Nikity Il'icha Tolstogo* [Ethnolinguistica Slavica. To the 90th anniversary of Academician Nikita Ilyich Tolstoy]. Moscow, Indrik Publ., 2013 (b), pp. 212–233. In Russian.

Mu puks'öm – Sotvorenje mira. Sost., predisl., primech. i perevod P. F. Limerova [Creation of the world. Comp. by P. F. Limerov]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izd-vo Publ., 2005. 624 p. In Komi, Russian.

Putilov B. N. *Fol'klor i narodnaya kul'tura; In memoriam* [Folklore and folk culture; In memoriam]. Sankt-Peterburg, Peterburgskoye Vostokovedeniye Publ., 2003. 464 p. In Russian.

Rassyhaev A. N. *Pochitanie Stefana Permskogo v fol'klornoj tradicii nivsherskih komi* [Honoring Stephen of Perm in folk tradition of the Nivshera's Komi]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2021, vol. 15, issue 2, pp. 272–283. In Russian.

Shapovalova G. G. Severnorusskaya legenda ob olene [North Russian legend about a deer]. *Fol'klor i etnografiya Russkogo Severa* [Folklore and ethnography of the Russian North]. Ed. by B. N. Putilov, K. V. Chistov. Leningrad, Nauka Publ., 1973, pp. 209–223. In Russian.

Vasil'eva L. V. Teoreticheskie podkhody v izuchenii modal'nosti [Theoretical approaches in the study of modality]. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Amur State University], 2009, no. 44, pp. 113–116. In Russian.

Zelenin D. K. *Vostochnoslavyanskaya etnografiya* [East Slavic ethnography], trans. by K. D. Tsivina; comm. by T. A. Bernshtam, T. V. Stanyukovich, K. V. Chistov; ep. by K. V. Chistov. Moscow, Nauka Publ., 1991. 511 p. In Russian.

Zyryane i zyryanskii kray v literaturnykh dokumentakh XIX veka [Zyryans and Zyryan region in literary documents of the XIX century]. Comp., foreword by V. A. Limerova. Syktyvkar, Kola Publ., 2010, pp. 3–12. In Russian.

Received 28.02.2023

Lobanova Lyudmila Sergeevna

Researcher

Institute of Language, Literature and History

Komi Scientific Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences

26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar, 167982, Russia

E-mail: sergejluda@mail.ru